

Снижение налогового бремени с сельских хозяйств позволит ускорить их развитие, принятые меры снизят разрыв между городом и деревней. Вполне очевидно, что макрорегулирующая роль государства через экономические рычаги не только необходима, но и незаменима.

В-третьих, государство может регулировать экономические структуры через экономическую политику. Лозунг «Политика и тактика – это жизнь партии» имеет непосредственное отношение к существу раскрываемой проблемы. Роль политики в регулировании экономических структур очевидна. Например, политика в налогообложении. Государство намечает виды налогов, налоговую ставку, статьи налога, предполагает, где следует понизить налоги и т.д. Политика играет направляющую роль в вопросах о том, какие районы, какие предприятия, какую выпускаемую продукцию необходимо поддержать, одобрить. И наоборот, государство определяет, где следует ограничить выпуск продукции, сократить деятельность предприятий.

В-четвертых, совершенные экономические структуры должны опираться на законы.

Накопленный опыт и практика осуществления экономических реформ в Китае убедительно подтверждают, что эффективное рыночно направленное и социально ориентированное регулирование экономических структур невозможно без участия сильной регулирующей роли государства.

Ч.В. Гордеев

ПОЧЕМУ МЕДВЕДЬ СПИТ, А ДРАКОН РАСПРАВЛЯЕТ СВОИ КОЛЬЦА...

Даже самые ортодоксальные «западники» сегодня вынуждены признать, что наступившее новое столетие пройдет не под знаком «медведя» или «цивилизованного западного мира», а под возрастающим воздействием «желтого дракона». Новый международный лидер в лице КНР, находящийся в стадии стремительного разгона, убедительно доказывает выполнимость известного лозунга – «догнать и перегнать». Поэтому история иначе расставляет сегодня акценты, ставя Россию перед жесткой необходимостью по крайней мере критического переосмысления своих геополитических приоритетов и большей ориентации на восточного соседа.

Гордеев Николай Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин ЧИ БГУЭП.

Динамика экономического развития Китая даёт все основания для прогноза, что в течение двух ближайших десятилетий эта страна по своей суммарной мощи сравняется с США. В самой Америке прогнозы смелее: за это же время ВВП Китая увеличится в семь раз, в результате экономика страны вырастет до совокупности экономик США, Японии и Германии, вместе взятых.

Между Китаем и Россией сходства больше, чем представляется на первый взгляд. Когда-то Русь, как и Китай, была явлением мирового порядка, шла в авангарде передовой Европы. Период XIX – первой половины XX столетий оказался для Китая трагическим, превратив его в полуколонию, разделенную на сферы влияния между более удачливыми конкурентами. Но и Русь монголо-татарским нашествием была погружена в 300-летний исторический анабиоз. Державная мощь обоих государств, размещенных на огромных евразийских пространствах, прирастала не за счет колониального освоения заморских земель и создания тем самым «стартового капитала», а путем жесткой монополизации собственных ресурсов. Две страны на исходе минувшего столетия почти синхронно приступили к глубоким социально-экономическим и политическим преобразованиям.

Но на этом сходство заканчивается. Китай вступил в пору подъема, ознаменованного настоящим экономическим и научно-техническим прорывом. Перед Россией же по-прежнему остаются два альтернативных пути: либо, исходя из государственно-национальных интересов, восстановление и развитие конкурентоспособной отечественной экономики и подъем народного благосостояния; либо продолжение прежнего политического и экономического курса, сочетающегося с попытками устранения наиболее очевидных просчётов прежнего руководства страны. Второй путь длящегося более полутора десятилетий жесткого эксперимента на живых людях является историческим тупиком для России. Со всей очевидностью подтверждается полное банкротство политики и курса «перестройки», а затем «реформ» образца 1990-х гг.

Никакого китайского «чуда» в природе не существует. На деле в Китае безошибочно определена стратегия развития, цель которого – коренное изменение старой экономической системы, ставшей тормозом для производительных сил, и постепенное создание новой, способной придать им динамичный характер. Для понимания сущности «гэйгэ» — китайских реформ и политики открытости необходимо уяснить, что социалистический строй и социалистическая экономическая система, по мнению китайских реформаторов, не одно и то же. Своеобразие совре-

менной экономической системы Китая состоит именно в том, что она представляет собой рыночные отношения под макроконтролем социалистического государства. В Китае эту модель называют «экономикой социализма с китайской спецификой» или «социалистической рыночной экономикой».

В основе модели лежит идея «трех выгод». Первая из них – развитие производительных сил, вторая – наращивание и укрепление совокупной мощи государства, третья – повышение жизненного уровня людей. Этот комплексно-целевой характер китайского реформирования ёмко подытожил его «архитектор и патриарх» Дэн Сяопин: главное состоит в том, чтобы обеспечить диалектическое взаимодействие между экономической реформой, развитием страны и социальной стабильностью.

Внушительные успехи Китая стали важнейшим событием мировой экономической жизни последнего времени. С начала реформ в 1978 г. по 1997 г. ВВП страны увеличился в 5,7 раза, или на 9,6% в среднем за год. Производство промышленной продукции развивалось ошеломляющими темпами, прирастая в среднем более чем на 10%, а в отдельные годы – на 13 – 14%, что даже потребовало проведения специальной политики «подтягивания тылов производственной инфраструктуры» и некоторого снижения прироста ВВП «для уменьшения перегрева экономики».¹

Практическая реализация экономической реформы началась в сельском хозяйстве. Там были отвергнуты новомодные ныне заморские теории о «всемогушестве рынка, безвредности денежного дефицита, полезности ограниченной инфляции и приватизации экономики общенародной собственности». В Китае отказались от передачи земли в частную собственность. При помощи долгосрочной аренды и семейного подряда с правом передачи земли по наследству, системы контрактов и ликвидации уравнительного распределения за 1,5 – 2 года была накормлена, одета и обута без малого четверть населения планеты. В этом несомненная заслуга китайских коммунистов, впервые в истории Китая решивших продовольственную проблему. За пять лет был удвоен валовой объем аграрного производства – таких успехов не знала мировая экономика.² В последующем, с учетом избытка в стране рабочей силы, был разрешен ограниченный наём рабочих в сельском хозяйстве – до 12 человек на одно хозяйство.

Понятно, что перед огромным государством стоит комплекс проблем, от решения которых в значительной степени зависят его благополучие и социальное здоровье. Это сохранение темпов роста и политической стабильности, обеспечение энергетической независимости,

достижение демографической регуляции и борьба с бедностью, безработицей. Но кто назовет страну, где такие проблемы отсутствуют? Тем более они есть в Китае, население которого ежегодно возрастает на 15 – 17 млн. человек, а это целое средневропейское государство.

Поэтому китайские реформаторы не прибегли к «шокотерапии» или раздаче пресловутых «ваучеров», основательно просчитывают социальные последствия реформ. Главным методом является эволюционно-поэтапное продвижение к социально-ориентированному рынку, а не обвальная либерализация экономики («мо шитоу го хэ» — переходя реку, нащупывать камни).

Результаты реформ превзошли все ожидания даже их авторов. Производство ВВП на душу населения возросло в 4,4 раза, производительность труда в промышленности выросла в 4 раза, в сельском хозяйстве — в 7 раз. Стабильны цены на продовольствие, товары массового спроса. А после обвала в августе 1998 г. российского рубля в четыре раза по сравнению с долларом Китай впервые превзошел Россию по среднему уровню оплаты труда (120 и 97 долларов в месяц соответственно),³ в итоге китайцы стали жить лучше россиян. И это при том, что население Китая примерно вдесятеро превышает российское!

Каковы реформаторы, такова и страна, — справедливо утверждают китайские специалисты. Остап Бендер со своими относительно «честными» способами изъятия денег, которым он обучал Шуру Балаганова, выглядит жалким дилетантом на фоне нынешних находящихся у кормушки российской власти комбинаторов. У этих господ куда больше эффективных способов изъятия денег у населения. Главный из них — неолиберальная модель экономической «реформы» с монетаристскими методами воздействия, самое разрушительное оружие массового уничтожения, страшнее бомб и ракет. Венчает её полное отсутствие стратегии аграрной политики, вся идеология которой сведена к двум постулатам — введению частной собственности на землю и фермеризации.

Навязанный этими комбинаторами курс близорукой экономической политики Россия оплатила непомерно высокой социальной ценой: резкой дифференциацией населения, появлением — вместо обещанного «среднего класса» и «гражданского общества» — класса собственников (3 – 5% населения) и класса наёмных работников (остальные 95 – 97%), всевластием олигархов и абсолютным и относительным обнищанием масс. Страна со 145-миллионным населением не может жить при бюджете в 60 млрд. долл.

В 2001 г. Китай стал 143-м членом ВТО, что явилось закономерным для страны результатом как продуктивной внутренней дискуссии,

так и широкого диалога с внешним миром. Значение этого события выходит далеко за пределы собственно КНР. Её новое качество в едином взаимосвязанном мировом процессе производства и потребления будет оказывать возрастающее воздействие на весь мир в этом столетии и в дальнейшем. Так, уже сегодня Токио опасается, что Китай может «стереть Японию с её слабой валютой и финансами с индустриальной карты мира». Вслед за этим «жертвами китайской ультраконкурентоспособной экономики» непременно окажутся Европа, США и не в последнюю очередь Россия.⁴

На этом фоне вступление России в ВТО представляется самоубийственным шагом. С конкуренцией зарубежных товаров России не совладать. Такие отрасли, как сельское хозяйство, машиностроение (и не только они) будут наверняка загублены. Неизбежно усилится вытеснение российского производства внутри страны по двум основным направлениям – по импорту иностранных товаров и скупке наиболее выгодных отечественных производств с последующей продажей их продукции на российском же внутреннем рынке.

Опыт реформ «русского образца» еще раз подтверждает, что свободная игра рыночных сил без общего эффективного макроэкономического регулирования со стороны государства неминуемо ведет к разрушительным последствиям. Критерием реальной, а не мнимой эффективности реформ служат их социальные последствия, рост реальных доходов, повышение уровня и качества жизни людей. В России же результатами реформ объявляют не социальные, а институциональные аспекты трансформации планового хозяйства в рыночную экономику. При этом буквально на глазах происходит крушение самой «несущей конструкции» товарно-денежных отношений – звена товарного производства. Деньги делают деньги. Даже в бизнесе это определяется жаргоном — «гонять порожняк». Вовсе не случайно появился в «телеящике» халявщик Лёня, а сегодня каналы отечественного телевидения заполнили рассчитанные на тех же халявщиков передачи типа «Кто хочет стать миллионером?», «Слабое звено» и прочая псевдорыночная дребедень.

Макроэкономические показатели российской экономики не могут не удручать. Россия вошла в новый век с ВВП, эквивалентным Финляндии. На душу населения производят ВВП больше Таиланд, Мексика, Малайзия. От своего северного соседа Финляндии, страны карликовой, не обладающей ни запасами полезных ископаемых, ни плодородными землями, по экономическим показателям на душу населения Россия отстает в 10 раз. Если в 1978 г. китайский ВВП был меньше российского на 23%, то в 1997 г. он превзошел российский в

6,2 раза.⁵ Впервые за всю историю отношений двух стран Россия оказалась в роли «догоняющего» государства, более слабого и менее значимого, чем Китай.

Все клятвенные заверения российского правительства относительно того, что в стране происходит оздоровление социально-экономической обстановки и начинается давно обещанный подъем, а через десятилетие – другое все россияне будут «богаты и счастливы», не выдерживают соприкосновения с действительностью. Только после восстановления уровня 1990 г., самого низкого за последнее советское пятилетие и самого высокого за годы «реформ», можно будет говорить о каких-либо позитивных тенденциях. При условии, конечно, если это произойдет на деле.

Иными словами, кризис всех систем жизнеобеспечения России – вовсе не результат «непродуманности» или «ошибочности» монетаристской доктрины реформирования экономики. Он порожден идейным кредо реформаторов, их глубинными историко-философскими установками, задачей разрушения «всего российского традиционного уклада». Горько сознавать, что Россия после развала СССР впервые за всю свою многовековую историю оказалась в столь неблагоприятном геополитическом положении. Прекратила существование великая держава, которую в течение одиннадцати столетий строил и обустроивал многонациональный и многомиллионный народ, населявший шестую часть суши. Исчезло государство, находившееся на подъеме своего развития. Оно было развалено «своими» же – изнутри. Усилиями корыстных, неумных и недобрых реформаторов обладавшая практически неисчерпаемыми резервами страна была ввергнута в состояние глубокой летаргии.

Данные статистики по нашему «дотационному» Забайкалью беспощадно убийственны. Его вступление в так называемый «цивилизованный рынок» сопровождалось повальным откатом вспять по всем без исключения параметрам социально-экономического развития. Так, общий объем промышленной продукции составляет лишь 30% по отношению к уровню 1990 г. – это на 15 – 20% хуже, чем в Российской Федерации и Восточно-Сибирском регионе. В сельском хозяйстве в сравнении с 1990 г. производится только 60% продукции. Малоомощные фермерские хозяйства бессильны решить продовольственную проблему, на их долю приходится не более 1,5 – 2% всего объема сельскохозяйственной продукции.⁶ При общем разладе экономики и производства «процветают» разве что перекупочно-спекулятивные структуры, да и те на основе примитивного бартера и поставок импортных, пре-

имущественно китайского производства, пониженного качества товаров.

Забайкалью стараниями российских «отцов – реформаторов» уготована участь «двойного донора»: внутренней колонии для России и рынка дешевого сырья и сбыта недоброкачественных товаров – для предприимчивых зарубежных соседей. По уровню жизни население Читинской области занимает девятое, а расположенного на её территории Агинского Бурятского автономного округа десятое место среди десяти самых бедных регионов России.⁷ Виновны ли в этом проживающие здесь люди и богатейший край, недра которого, по утверждению специалистов, «таят в себе всю таблицу Менделеева»?

Реалистически мыслящие руководители региона не считают ситуацию безнадежной, настроены оптимистически, на поэтапное её преодоление. Об этом свидетельствуют их практические дела, увязанные с научно обоснованными программными положениями, которые дают положительные результаты. Однако эти усилия по существу блокируются центром.

Так, в 2001 г. удалось поднять общий уровень производства на 3 – 4%. Выравнивается, хотя и с трудом, положение в электроэнергетике, горнодобывающей промышленности. Происходит это не благодаря, а вопреки «реформам», ибо руководство края пока удерживает в руках главные рычаги государственного регулирования. Надолго ли? Жесткая зависимость от центра, ущербное финансирование из федерального бюджета путем «выколачивания» очередных трансфертов не позволяют делать необходимых вложений в развитие собственной экономики.

Только по вине центра была провалена программа создания на границе Забайкалья с КНР свободной экономической зоны «Даурия». Ценой огромного напряжения удалось завершить строительство и обеспечить открытие весной 1998 г. крупнейшего в России автотранспортного коридора в Китай. На торжества, посвященные его пуску в эксплуатацию, лично припожаловал экс-вице-премьер Б. Немцов. Холеный и благоухающий дорогим заморским одеколоном, но ужимками напоминающий Хлестакова, сей государственный муж вознамерился вдохновить забайкальцев пламенной речью: «Распахнулись новые широкие восточные ворота России. Хочу поздравить таможенников и челноков, пограничников, всех жителей Забайкалья и отметить, что у всех прибавится работы. Надеюсь, что товарооборот с Китаем будет расти после начала работы этого замечательного перехода. Уверен, что забайкальцы уже в ближайшее время ощутят улучшение в своем экономическом положении. И такого рода начинания будут продолжены, в том числе и на вашей территории».

Эта тирада была скептически воспринята забайкальцами. И неслучайно. Ничего из обещанного не было выполнено ни Немцовым, ни его преемниками. Все так же инициатива местных руководителей скована контролирующими функциями 16 различных местных, но подчиненных непосредственно центру контролирующих структур. И все так же не предвидится скорого завершения строительства российско-китайского торгово-промышленного комплекса Забайкальск – Маньчжурия, который намечался к освоению вслед за автопереходом. Зато на китайской территории этот комплекс со всей его инфраструктурой давно эксплуатируется и приносит ощутимую выгоду соседям.

Будущность России напрямую зависит сегодня от её взаимодействия с передовыми в экономическом отношении странами Азии и Востока, прежде всего с Китаем, от её интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако Россия, являясь одним из крупнейших государств региона, остается за рамками этого процесса. На фоне беспрецедентного экономического роста Китая регионы Сибири и Дальнего Востока, включая Забайкалье, представляют собой экономически отсталые пространства. Такая ситуация непосредственным образом затрагивает безопасность России, требует восстановления и развития национально-государственного экономического комплекса, обеспечения его независимости, повышения эффективности и конкурентоспособности в масштабах мирового рынка. А это невозможно без смены всей доктрины реформирования, коренного обновления политики и курса экономических реформ, их кадрового обеспечения.

Когда об этом пишут и говорят какие-то «провинциальные» ученые, к их голосу можно не прислушиваться. Но нельзя до бесконечности игнорировать мнение признанных авторитетов, экономистов мирового класса. Большинство их склоняется к тому, что единственным выходом из сложившейся ситуации является возврат государства в экономику в качестве активной экономической силы.

Дорогу осилит идущий, — так гласит восточная мудрость. Но нельзя идти вперед, если поводыри незрячи и их головы повернуты назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Китай. — Пекин, 1999. — С. 115 – 116.
2. Там же. — С. 126 – 128.
3. Литов В. Почему лев проснулся, а медведь ещё спит...//Российская Федерация сегодня. — 2001. - №18. — С. 62.

4. Компас. Вестник международной аналитической информации. – 2001. - №52. – С. 61.
5. Труд. – 2000. – 9 ноября.
6. Забайкальский рабочий. – 2000. – 22 июня.
7. Там же. – 2001. – 14 сентября.